

Глава XXI

ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ: 1964—1971

В течение двух дней советские средства массовой информации молчали об отставке Хрущева. Слухи, разумеется, начали распространяться почти сразу, и на следующий же день имя Хрущева было изъято из новостей; однако только 16 октября в «Правде» появилось официальное сообщение, а 17-го — редакционная статья под названием «Незыблемая ленинская генеральная линия КПСС». Имя Хрущева в ней не упоминалось, но немало говорилось о «субъективизме в коммунистическом строительстве», «прожектерстве, скоропелых выводах и поспешных, оторванных от реальности решениях и действиях... нежелании считаться с тем, что уже выработали наука и практический опыт»¹.

Утром пятнадцатого числа охрана, ~~прослужившая~~ прослужившая Хрущеву много лет, была заменена. Все правительственные телефоны отключили — остались лишь местная линия и связь с флигелем охраны. На рассвете огромный черный ЗИЛ, предназначенный для трех первых лиц — главы партии, председателя Совета министров и председателя Верховного Совета — был заменен «чайкой»; в тот же день отобрали и «чайку» и заменили ее обыкновенной черной «волгой», низведя таким образом Хрущева на уровень среднего функционера, одного из тех, кто роптал на него за отмену партийных льгот.

Хрущев привык вставать рано, чтобы к девяти утра уже быть у себя в кремлевском кабинете. 15 октября он как обычно рано спустился в столовую. Накануне кремлевский врач Владимир Беззубик посоветовал принять снотворное — но и таблетки не помогли ему заснуть. «Лицо его за ночь осунулось и как-то посерело, — вспоминает Сергей Хрущев, — движения замедлились».

За завтраком Хрущев почти не прикоснулся к еде. Потом

вышел во двор, медленно обошел вокруг дома. У ворот встретил его новый начальник охраны Сергей Мельников, спросил, не хочет ли Хрущев отправиться на дачу.

— Скучная вам досталась должность, — заметил бывший советский лидер. — Я теперь бездельник, сам не знаю, чем себя занять. Вы со мной с тоски зачахнете. А впрочем, чего тут сидеть. Поехали.

На даче, куда Хрущев приехал с сыном и Мельниковым, их также встретила новая охрана. В нерешительности постояв у дверей, Хрущев двинулся вниз по склону холма, мимо роши, через неширокую речку, к ближайшему колхозному полю. Тем летом на поле росла кукуруза — председатель колхоза старался произвести впечатление на высокопоставленного соседа. Теперь кукурузу уже убрали, лишь кое-где из сырой комковатой земли торчали голые стебли. Трое мужчин шли вдоль поля по узенькой тропке. Хрущев заговорил о сельском хозяйстве: постепенно увлекся, начал приводить статистику, горячо защищать свои излюбленные методы. Мельников вежливо поддерживал беседу. Вдруг Хрущев умолк на полуслове.

— Никому я теперь не нужен, — изменившимся голосом сказал он. — Что я буду делать без работы, как жить — не представляю².

Нина Петровна Хрущева отдыхала вместе с Викторией Петровной Брежневой в Карловых Варах, в Чехословакии. Почти сразу после отставки Хрущев забеспокоился о том, как сообщить эту новость жене. Пытались позвонить — и тут выяснилось, что никто в семье не умеет звонить по обычному международному телефону. Наконец охранник набрал нужный номер, и Никита Сергеевич попросил жену срочно вернуться домой, не объяснив причин. О его отставке она узнала по телефону от советского посла в Чехословакии Михаила Зимянина: по недоразумению приняв ее за жену Брежнева, он принялся расписывать ей во всех подробностях смещение Хрущева, не забыв упомянуть, как сам «врезал ему» на пленуме, откуда только что вернулся, и закончил поздравлениями в адрес «дорогого Леонида Ильича». Потрясенная Нина Петровна молчала: поняв наконец свою ошибку, Зимянин смутился и повесил трубку.

Хрущев беспокоился о том, кто встретит Нину Петровну в аэропорту: это вызвался сделать Мельников. Вечером пятнадцатого, прижимая к груди цветы, которые вручили ей в Праге перед отъездом, она прибыла в особняк на Ленин-

ских горах — и сразу занялась домашними делами, спокойная и собранная, как и в тридцатые, когда каждый стук в дверь мог означать для нее конец, и в пятидесятые, когда ей приходилось играть роль первой леди. По словам Сергея Хрущева, мать «следила, чтобы все были накормлены, чтобы отец надел свою неизменную белую чистую рубашку, а вещи не расползались с привычных мест... Казалось... просто Центральный Комитет принял очередное решение, на сей раз об отставке ее мужа, и она, как всегда, приняла его к исполнению. Мама привыкла беспрекословно подчиняться этим решениям, всегда регламентировавшим нашу жизнь»³.

Возможно, после отставки Хрущева Нина Петровна испытала бы облегчение, если бы не страдания мужа. После его смерти она вспоминала о «переживаниях» и «долгих ночных монологах», адресованных Брежневу. «Вот так, за спокойной приветливостью, она лучше нас умела скрыть свои переживания»⁴.

Следующие несколько месяцев, почти до самого лета, свергнутый правитель пребывал в глубокой депрессии. Чего только не делали родные в надежде его подбодрить! Но все было напрасно. В былые времена Хрущев каждый день внимательно прочитывал газеты; теперь — в лучшем случае рассеянно проглядывал. Прежде из-за множества дел он не успевал читать книги; теперь «механически пролистывал страницы, откладывал книгу и снова отправлялся в свои бесконечные прогулки»⁵. Стараясь развлечь отца, дети привозили и показывали ему новые фильмы. «Но и это не помогало», — рассказывает Сергей. Даже «Председатель», фильм, живописующий энергичного председателя колхоза, немало напоминающего самого Хрущева, не вывел его из уныния. «Хороший фильм», — только и сказал Хрущев⁶.

Не спасали и гости — тем более что их было немного. У бывших коллег и подчиненных не было ни причин, ни желания встречаться с опальным правителем. Другие старые друзья боялись нежелательных последствий — охрана вела учет посетителей. Должно быть, Хрущева неотвязно мучил вопрос: а были ли у него настоящие друзья? Последние товарищи, с которыми он общался на равных, остались в Донбассе двадцатых годов.

Впоследствии в доме Хрущевых начали появляться некоторые из его старых знакомых; но это случилось не сразу. Пока же в доме бывали лишь друзья детей Хрущева, которых Сергей, Рада, Елена и Юлия приглашали, чтобы «развезть отца, отвлечь его от грустных раздумий». Поначалу это

срабатывало, особенно когда Хрущев-старший повел гостей в недавно выстроенную на даче гидропонную теплицу. Там он начал было пламенную речь в защиту гидропоники — но вдруг, вспоминает Сергей, «Никита Сергеевич умолк на полуслове, и глаза его померкли. “Это больше не мое дело. Да и вообще, вы ничего в этом не понимаете”»⁷.

Той же осенью Хрущеву приказали освободить особняк и правительственную дачу, ему выделили другую дачу, в Петрово-Дальнем. Новая городская квартира (в которой он почти не жил) располагалась по адресу: Староконюшенный переулок, 19, в доме, построенном в тридцатые годы для функционеров ЦК. Пятикомнатная квартира с просторной прихожей была по советским меркам роскошной — но как отличалась она от его прежних резиденций! Однако Хрущев не возражал. «Его вообще мало интересовало теперь, где он будет жить»⁸.

Времени у Хрущева отныне было хоть отбавляй, и целыми днями он бесцельно бродил по территории, иногда в сопровождении сына или Мельникова, чаще один и почти всегда — в молчании. «Молчание угнетало, — вспоминает Сергей. — Мы пытались отвлечь отца от его мыслей, затевали разговоры о каких-то нейтральных московских новостях, но отец не реагировал. Иногда он нарушал молчание и с горечью повторял, что жизнь его кончена, что он жил, пока был нужен людям, а сейчас жизнь стала бессмысленной. Бывало, на глаза его наворачивались слезы. Мы, конечно, волновались, но Владимир Григорьевич просил нас не пугаться. “Это одно из последствий потрясения”, — объяснял он. И снова продолжались бесконечные прогулки, отец по-прежнему был замкнут...»⁹

Владимир Григорьевич Беззубик, личный врач Хрущева, не покинул своего пациента. Он разговаривал с ним часами, прописывал ему снотворное и успокоительное. Пока что родные не опасались самоубийства (этот страх появился несколько лет спустя). Когда школьная учительница спросила одного из внуков Хрущева, чем занимается на пенсии его дед, мальчик ответил: «Дедушка плачет»¹⁰. Повар Хрущева много лет спустя ответил на тот же вопрос так: «Что он делал? Сидел и плакал. Просто сидел и плакал»¹¹.

Новый, 1965 год застал Хрущевых еще на старой даче, хотя они уже знали, что ее скоро придется покинуть. Вся обстановка дачи принадлежала государству и должна была остаться здесь, поэтому столовая выглядела как обычно: стол темного дерева, за которым свободно могли рассесться человек тридцать — сорок, у стен — неудобные диваны, обтя-

Первый секретарь ЦК КПСС, председатель Совета министров СССР
Н. С. Хрущев.

На борту теплохода «Балтика» по пути на XXV сессию
Генеральной ассамблеи ООН. *Осень 1960 г.*

Выступление в ООН. *Сентябрь 1959 г.*

С Ниной Петровной и генеральным секретарем ООН
Дагом Хаммаршельдом.

В окружении высшего командного состава Советской Армии накануне заседания, посвященного 20-летию начала Великой Отечественной войны.

Торжественная встреча первого космонавта планеты Юрия Гагарина.
Москва. 14 апреля 1961 г.

На трибуне Мавзолея:
с Юрием Гагариным в 1961 году и с Валентиной Терешковой в 1963 году.

Руководство ЦК КПСС с Юрием Гагариным и его родителями
у Мавзолея Ленина.

С Джоном Кеннеди. Вена. Июль 1961 г.

Советское гражданское судно «Металлург Аносов» с ракетами на борту в порту Гаваны под разгрузкой.

Советская военная техника на борту гражданского судна по пути на Кубу. Над палубой барражирует американский самолет-разведчик.

На катере по Дону с М. А. Шолоховым.

Встреча с писателями в Кремле.
В центре Н. С. Хрущев и поэт А. Т. Твардовский.

На выставке в Манеже. Н. С. Хрущев и М. А. Суслов в сопровождении руководства Союза художников обсуждают картины Бориса Жутовского (рядом с Хрущевым).

На встрече с деятелями литературы и искусства в Кремле. 1962 г.

С первым секретарем
ЦК СЕПГ
Вальтером Ульбрихтом.
Июль 1963 г.

С сыном Сергеем
и внуками
Никитой и Алексеем
Аджубеями.
Начало 1960-х гг.

С первым секретарем
ЦК ПОРП
Владиславом Гомулкой
во время пребывания
в ПНР.

Семья Хрущева.
Слева направо:
зять Алексей Аджубей,
дочь Елена Хрущева,
дочь Рада Аджубей,
Нина Петровна,
внук Никита Аджубей,
Никита Сергеевич,
сын Сергей Хрущев,
невестка Галина
Шумова, внуки —
Алексей Аджубей,
Иван Аджубей,
Никита Хрущев.

С Фиделем Кастро в Грузии. *Май 1963 г.*

В день семидесятилетия. Слева от Хрущева Нина Петровна, Елена, Микоян и Брежнев. 17 апреля 1964 г.

Дача в Петрово-Дальнем,
где Н. С. Хрущев прожил последние семь лет жизни.

С ручным грачом Кавой и восточноевропейской овчаркой Арбатом.

С Ниной Петровной. 1969 г.

С дочерью Радой в последний день рождения. 17 апреля 1971 г.

Памятник на могиле Н. С. Хрущева на Новодевичьем кладбище.
Работа скульптора Э. Неизвестного.

нутые черной кожей, в дальнем конце комнаты — камин, который никогда не топили. В первый раз за много лет Хрущев справлял Новый год в окружении лишь родных. Все, кроме него, старались выглядеть бодрыми и веселыми. «Отец сидел спокойно, безучастно взирая на происходящее», — рассказывает Сергей Хрущев¹².

То и дело раздавались телефонные звонки, но по большей части к телефону просили детей Хрущева. Было несколько звонков от старых донбасских товарищей и от ветеранов Московского электролампового завода, где работала в тридцатые годы Нина Петровна; Никиту Сергеевича к телефону не просил никто. Лишь один раз, ближе к утру, ему позвонили. Поколебавшись, Хрущев медленно поднялся и подошел к телефону, стоявшему в соседней комнате. Звонил Микоян. Некоторое время Хрущев молча слушал, затем проговорил сильным, почти прежним голосом: «Спасибо, Анастас! И тебя поздравляю с Новым годом. Передай мои поздравления семье... Спасибо, бодрюсь. Мое дело теперь пенсионерское. Учусь отдыхать...»

Хрущев возвращался к столу с улыбкой, однако, едва сел за стол, вспоминает Сергей, — «глаза его снова потухли».

Этот звонок потребовал недюжинного мужества: Микоян оставался в руководстве страны и ему было что терять. Позже Серго Микоян узнал, что вскоре после этого звонка стенографистка и секретарша его отца начала передавать ему «разные глупости», которые якобы говорил о нем Хрущев своему шоферу. Секретарша, по всей видимости, работала на КГБ, но Микоян ей поверил. Он и прежде был убежден, что Хрущев ему завидует, что он «часто не соглашался со мной лишь из нежелания признать, что я прав». Теперь же он поверил, что Хрущев бранит его за то, что Микоян не смог вовремя раскрыть и остановить заговор, — иными словами, добавляет его сын, не сделал того, что следовало бы сделать самому Хрущеву. Если вспомнить, что и прежде отношения их были далеко не безоблачны, не стоит удивляться, что никогда уже больше Микоян не звонил Хрущеву¹³.

Отрезанный от мира, погруженный в уныние, Хрущев ни для кого не представлял опасности. Однако его бывшие коллеги не хотели рисковать, особенно после того, что произошло 23 октября. В этот день в Москве торжественно встречали космонавтов. Церемониал начался во Внуковском аэропорту: оттуда автомобильная процессия двинулась по Ленинскому проспекту на Красную площадь, а за грандиоз-

ным митингом на главной площади страны последовал банкет в Кремле. Хрущевы сидели перед телевизором в своем особняке на Ленинских горах. Вдруг Никита Сергеевич встал, пробормотал, что не хочет больше на это смотреть, и вышел из дома.

Не в силах усидеть на месте, он подозвал охранника и попросил отвезти его на дачу. Проблема была в том, что дорога пролежала в сторону Красной площади. Услышав, что Хрущев едет в Кремль, Брежнев и присные запаниковали: однако не успели они ничего предпринять, как машина повернула на запад — на дачу Хрущева. В тот же вечер Мельников получил приказ: следующим же утром Хрущев должен переехать на дачу и оставаться там до дальнейших распоряжений. Остальные члены семьи могут пока остаться в Москве. На следующий день вся семья перебралась на дачу, где и жила до переезда в Петрово-Дальнее¹⁴.

Дом в Петрово-Дальнем был куда скромнее прежней дачи Хрущева: одноэтажный, бревенчатый, крашенный темно-зеленой краской, он стоял на высоком, поросшем соснами берегу Истры, недалеко от места ее впадения в Москву-реку. У дома сосны уступали место яблоням, вишням и клумбам с цветами, отделенным друг от друга извилистыми дорожками. Крутая деревянная лестница вела вниз, на берег Истры, где была устроена купальня. Недалеко от высокого забора, огораживавшего участок, располагалась открытая поляна с видом на реку и на поля соседнего колхоза: там стояла скамейка, на которой вскоре полюбил отдыхать Хрущев.

Дом, вспоминает Сергей Хрущев, был «просторным и уютным»¹⁵. Здесь были отдельные спальни для Никиты Сергеевича и Нины Петровны, комната Елены и ее мужа, молодого химика Виктора Евреинова, кабинет Нины Петровны с большим письменным столом, кухня, бывшая бильярдная с видом на вишневый сад, которую Нина Петровна превратила в столовую. Были веранда, на которой особенно полюбил сидеть Хрущев, отдельная летняя кухня, а у ворот — отапливаемый флигель, где круглосуточно дежурили охранники с подслушивающими устройствами¹⁶.

Комната Хрущева имела два выхода, на веранду и в сад. Здесь стояли кровать, несколько столиков, личные вещи (в том числе фигурка девушки из черного дерева — подарок Неру, английский проигрыватель в деревянном корпусе — подарок президента Ганы Нкрумы и красно-желтое кресло — из Финляндии, от Кекконена), а также сейф, в котором Хрущев привык хранить секретные документы. Теперь,

конечно, никаких секретных документов не осталось, а партбилет Хрущев держал в ящике стола, и огромный, аляповато раскрашенный под дуб сейф стоял пустым.

Все хлопоты по организации переезда легли на плечи Нины Петровны. Чаще всего, замечает сын, переезжать ей приходилось «не по собственному желанию. Она даже грустно шутила, что сделалась профессиональной упаковщицей»¹⁷. В этот раз переезд еще более омрачила болезнь мужа: поначалу врачи даже подозревали у Хрущева рак поджелудочной железы. Диагноз не подтвердился, однако болезнь подорвала его силы и замедлила выход из депрессии.

После переезда семья старалась развлечь Хрущева новыми увлечениями. В свое время в Киеве рыбная ловля его не занимала, но теперь он решил попробовать сызнава. Прочтя несколько книг по рыболовству, Хрущев сел на берегу Истры, привязал к удилищу, привезенному сыном из Москвы, леску, подаренную когда-то Вальтером Ульбрихтом, и забросил удочку в реку. Время шло, рыба не клевала, а ждать Хрущев никогда не любил. «Сидишь, чувствуешь себя полным дураком! — жаловался он. — Так и слышится, как рыбы в воде над тобой потешаются. Не по мне это»¹⁸.

Раньше, по словам Сергея, Хрущев «называл нас бездельниками, заставляя у телевизора». Теперь он сам пристрастился к теле-, радионовостям и газетам. Лишенный докладов подчиненных и рапортов разведки, он каждое утро, не выходя из спальни, прочитывал «Правду», брал с собой на прогулку переносное радио и установил в доме коротковолновый приемник «Зенит», подаренный ему в пятидесятые годы американским бизнесменом Эриком Джонстоном. Он слушал и музыкальные передачи, и новости, как по московскому радио, так и по «Голосу Америки» и Би-би-си. Новости его не радовали: реформы, которые он так пылко продвигал, после его отставки пошли на спад. Теперь Хрущев на собственной шкуре ощутил давление партийной пропаганды. «Жвачка... — бормотал он над страницами «Правды». — Разве можно так писать? Какая это пропаганда? Кто в это поверит?»¹⁹

Поселок Петрово-Дальнее состоял из нескольких домов, отделенных друг от друга высокими зелеными заборами. Кроме Хрущева, здесь жили заместители председателя Совета министров Михаил Лесечко и Игнатий Новиков, а также бывший министр финансов Арсений Зверев. При встрече с Хрущевым они терялись, не знали, что сказать, и зачастую начинали отчитываться перед ним о своей работе, как будто до сих пор видели в нем начальника. По словам Сергея,

такие встречи «тяготили отца, и он старался избегать контактов со своими бывшими подчиненными». Поэтому он не бывал в сельском клубе, где несколько раз в неделю показывали кино.

Вместо этого он гулял по полям близлежащего колхоза. Глядя, как колхозники убирают скудный урожай ячменя и овса, Хрущев изнывал от желания приказать им бросить зерновые и выращивать овощи для поставок в Москву — дело куда более выгодное. Поначалу он говорил об этом только с родными; затем начал наблюдать за полями в бинокль и однажды, увидев, что на поле появился кто-то из колхозного начальства, поспешил туда, чтобы дать ему совет. Разумеется, соседи не приняли его советов, сославшись на распоряжения вышестоящего начальства; Хрущев был рассержен, но «больше с тех пор с советами не лез, по-прежнему продолжая сетовать на вопиющую бесхозяйственность»²⁰.

Прежде Хрущев увлекался только охотой: и в Киеве, и в Москве (за исключением 1950—1953 годов, когда Сталин перестал поощрять это увлечение своих приближенных) он регулярно охотился в государственных заказниках. У него имелась коллекция из нескольких дюжин охотничьих ружей, винтовок и карабинов — подарки советских и иностранных гостей. В гардеробе красного дерева, в элегантном деревянном футляре хранились парабеллум, вальтер и еще один пистолет — подарки КГБ к семидесятилетию. До отставки Хрущев часто показывал гостям свою коллекцию оружия. Но после падения он никогда уже не охотился и на оружие почти не смотрел. А в 1968 году раздарил почти всю коллекцию — сыну, внукам, врачу, даже охранникам — со словами: «Пусть достанется хорошим людям. И память у них обо мне сохранится. А то их после моей смерти разворуют»²¹.

Весной — летом 1965 года, по мере того как к Хрущеву возвращалось душевное равновесие, у него появились другие занятия. С вершины холма неподалеку от дома, который его внуки прозвали Ужиной горкой, потому что ранней весной туда выползали погреться на солнышке ужи, он мог любоваться окрестностями. Скоро он познакомился с отдыхающими из ближайшего дома отдыха: эти простые люди не имели причин дрожать за свою карьеру и потому не боялись общаться с опальным властителем. Сперва они просто здоровались через забор; потом поселковая администрация разрешила прорезать в заборе калитку, и теперь отдыхающие постоянно толпились вокруг Хрущева, фотографировались с ним и слушали его истории. Постепенно «встречи с Хрущевым» стали неофициальным, но обязательным элементом

«культурной программы». На домашней киноплёнке, снятой Сергеем летом 1969 года, мы видим, что во время такой встречи Хрущев оживлен, широко улыбается, говорит много и энергично, помогая себе жестами — совсем как в старые времена. Но вот люди расходятся — и он, утомленный, тяжело опускается на складной табурет, который всегда носит с собой.

Единственной связью с прошлым оставались письма, приходившие Никите Сергеевичу из всех уголков страны и мира — до конца 1970 года, когда после конфликта Хрущева с кремлевским руководством (о котором мы расскажем далее) шеф КГБ Юрий Андропов распорядился о том, чтобы большая часть писем перестала доходить до адресата²². Однако Хрущев не проявлял интереса к письмам — возможно, они слишком напоминали о его нынешнем положении. Нина Петровна сортировала почту, некоторые письма читала мужу вслух, на некоторые писала ответы (собираателям автографов она никогда не отвечала) и отдавала их на подпись мужу.

Постепенно Хрущев начал читать. Он не любил военных мемуаров — говорил, что генералы слишком уж преувеличивают собственные подвиги (и слишком мало пишут о его вкладе). Да и другие воспоминания, которые приносил ему сын — Черчилля, де Голля, русских государственных деятелей XIX столетия, — откладывал в сторону со словами: «Потом прочитаю». Он предпочитал художественную классику — Толстого, Тургенева, Лескова, Куприна, Салтыкова-Щедрина — а также научно-техническую литературу²³. Когда Сергей принес ему потрепанный самиздатовский экземпляр «Доктора Живаго», Хрущев долго изучал книгу, а потом заметил: «Зря мы ее запретили. Надо было мне тогда самому ее прочитать. Ничего антисоветского в ней нет»²⁴. В этих словах отразился его растущий скептицизм по отношению к идеологическому правоверию. Кроме того, должно быть, Хрущеву было приятно ознакомиться — пусть и с запозданием — с полным иллюзий романом и прийти к собственному независимому мнению о нем.

Ободренный реакцией отца на «Доктора Живаго», Сергей принес ему «Раковый корпус» и «В круге первом» Солженицына, а также роман Оруэлла «1984». Но тут Хрущев поставил точку. «Эти книги ему не понравились», — пишет Сергей.

Когда стало ясно, что в сельском клубе Хрущев появляться не станет, Сергей раздобыл югославский проектор и немецкий экран, переоборудовал коридор на даче в маленький кинозал и начал показывать отцу кинофильмы, взятые на-

прокат или полученные от друзей, привозивших их из-за границы. Хрущев предпочитал развлекательные фильмы, помогавшие ему забыть о своих горестях; особенно он любил исторические ленты, такие как «Шестое июля», фильм о событиях 1918 года, снятый по пьесе драматурга-антисталиниста Михаила Шатрова.

Фильм так понравился Хрущеву, что он решил «выйти в свет» — отправиться в театр «Современник» на пьесу Шатрова «Большевики». К этому времени Хрущев стал плохо слышать и не всегда разбирал реплики актеров: к тому же «доставлял неудобство интерес к нему со стороны публики — он чувствовал себя каким-то диковинным экспонатом». Однако после спектакля он зашел за кулисы и с удовольствием развлекал актеров воспоминаниями об исторических деятелях, которых они только что играли. Заметив, что среди членов СНК в пьесе не хватает Бухарина и Каменева, Хрущев добавил: «Они были хорошие люди. Мы бы их обязательно реабилитировали, только времени не хватило»²⁵.

Со временем в Петрово-Дальнем стали появляться гости. Бывала здесь старая приятельница семьи Вера Александровна Гостинская, в 1928 году жившая вместе с Хрущевыми в Киеве, на Ольгинской улице. Бывал Петр Якир, сын расстрелянного командарма; он в конце шестидесятых был арестован как диссидент. Сергей Хрущев приглашал на дачу коллег — ракетных конструкторов — с семьями. Юлия Хрущева, дочь Леонида, познакомила деда с Шатровым и Борисом Жутовским, одним из тех художников, которых он распекал в Манеже. Бывал здесь и кинорежиссер Роман Кармен с женой Майей (которая развелась с ним и вышла замуж за Аксенова, еще одну «жертву» хрущевского темперамента). В 1970 году Юлия ввела в дом Евгения Евтушенко, либерального поэта, для которого Хрущев в свое время не жалел бранных слов, и молодого барда Владимира Высоцкого. Хрущев извинялся перед ними за свои вспышки ярости в 1962—1963 годах и признавал, что они были правы. На домашней киносъемке мы видим, как Хрущев и Евтушенко сидят рядом на скамейке: сжимая руку собеседника, Хрущев что-то оживленно ему втолковывает, на лице его — улыбка, чуть смущенная и в то же время лукавая, как у человека, который убежден, что сказал нечто важное, но не хочет, чтобы собеседник подумал, будто он задается. Выражение его лица напоминает кинохронику тридцатых годов²⁶.

Но гости приезжали по выходным, а будние дни Хрущев и его жена проводили в одиночестве. В молодости, в Донбассе, у Хрущева была фотокамера; перед войной он носил

с собой «Лейку», но в 1941 году оставил ее в Киеве. В 1947-м, поправляясь после воспаления легких, Хрущев вновь занялся фотографией. И теперь он вернулся к старому увлечению, причем пленки проявлял сам, в ванной. Скоро он переключился на слайды, которые с удовольствием показывал детям, внукам и гостям. Некоторое время носил камеру (вместе с приемником) с собой на прогулки и снимал бесконечные пейзажи. Однако, как замечает Сергей, «фотодело по-настоящему не захватило отца. Скорее, это было простое время-препровождение... А когда прошло несколько лет и отец неоднократно перефотографировал все вокруг, это занятие ему окончательно надоело»²⁷.

Больше привлекло Хрущева садоводство. Дочь Елена, сама увлеченный садовод, принесла ему книгу под названием «Промышленная гидропоника»: Хрущев внимательно ее изучил, всю испещрив пометками, заметками на полях, сделав множество закладок. По всем правилам он подготовил питательную смесь для растений, построил во дворе теплицу и начал эксперимент. Гидропоника ожидаемых результатов не дала, и Хрущев обратился к традиционным методам: у себя на дачном участке он выращивал укроп, картофель, редис, тыкву, подсолнечник и, конечно, кукурузу. Сам он работал в саду до изнеможения и призывал к себе на помощь всех, кто оказывался поблизости, — родных, гостей, даже тех охранников, что помоложе (пока новое начальство не запретило им помогать Хрущеву). Каждую неделю он разрабатывал план на следующие выходные и в субботу отправлял на огород всех, кто не мог изобрести уважительной причины для отказа или не доказал уже (нарочно или нечаянно) свою неспособность к огородничеству, выполов вместо сорняков огурцы. Самым верным помощником Хрущева стал его десятилетний внук Никита. Бывшему слесарю, кажется, особенно нравилось «командовать» помощниками с высшим образованием. «Я вам сейчас покажу, как это надо делать, — говорил он, раскладывая перед собой слесарные инструменты. — Инженерами называется, а трубы ни согнуть, ни привернуть не можете»²⁸.

Но больше всего Хрущев любил жечь костры. «В любую погоду, даже если шел дождь», вспоминает Сергей, он надевал зеленовато-бежевую накидку, подарок французского капиталиста, собирал хворост, разжигал костер и «часами смотрел на огонь». В будние дни единственным его спутником был пес Арбат, немецкая овчарка, а когда пес умер — дворняжка Белка. («Дворняжки и умнее, и преданнее, и неприхотливее, — замечал Хрущев. — Зачем мне оболтус с родо-

словной?»²⁹) По выходным вокруг костра собирались родные и друзья и слушали его бесконечные истории о молодости в Донбассе, о том, как он мечтал стать инженером и своими руками собирать «умные» машины. «Костер догорал, и заканчивались истории», — пишет Сергей. Хрущев жег костры в любое время года, но больше всего любил весну. «Осень ему не нравилась. В сущности, он ее терпеть не мог. Темнота и завывание ветра его угнетали, а сосны, угрюмо качающиеся темными ветвями, напоминали ему о смерти»³⁰.

Хрущев был не единственным лидером, впавшим в депрессию после внезапной потери власти. То же самое произошло, например, с Ричардом Никсоном. Уныние, охватившее обоих политиков, ясно свидетельствует о том, что значила для них публичная жизнь, как тесно их представления о себе были связаны с обладанием властью³¹. Однако в определенном смысле отставка Хрущева принесла ему облегчение. На людях Хрущев всегда демонстрировал непоколебимую уверенность в себе, и никто не знал, что в глубине души он — самый суровый критик собственных недостатков. Только теперь, освободившись от груза амбиций, он приобрел свободу признаваться в своих ошибках и даже просить за них прощения. Он сожалел о том, что не реабилитировал Бухарина, что в 1962—1963 годах нападал на интеллигентов. Он осуждал власть за арест в 1966-м Даниэля и Синявского, предупреждал о недопустимости реабилитации Сталина, критиковал вторжение в Чехословакию в 1968-м. О «советском рае», границы которого были закрыты на замок, высказывался так: «Рай — это такое место, где люди хотят остаться навсегда, а не из которого бегут! А у нас все двери закрыты и заперты. Что это за социализм? Какого черта мы держим народ в цепях? Что это за порядки? Меня некоторые ругают за то, что временами я открывал двери. Но, если бы бог дал мне продолжать, я бы и двери, и окна настезь распахнул»³².

Он стал «добрее, внимательнее и откровеннее» по отношению к детям. Прежде Хрущев никогда не рассказывал Юлии о ее отце и матери — а тут однажды во время прогулки сказал ей: «Своим отцом ты можешь гордиться — он был отважный летчик. А мать твоя ни в чем не была виновата»³³. Внуков Хрущев всегда обожал, но теперь у него было больше времени и возможностей для выражения своей привязанности. На домашней киносъемке запечатлена трогательная сцена: маленький Никита вдруг, оторвавшись от

прополки огорода, бежит обнять дедушку, и тот нежно обнимает и целует его в ответ.

Но прежде всего Хрущев посвятил себя созданию мемуаров — Геракловой задаче, целиком занявшей последние годы его жизни. С 1966-го, когда он оправился от болезни поджелудочной железы, близкие начали уговаривать его взяться за перо, да и гости, приезжавшие в Петрово-Дальнее по выходным, постоянно спрашивали, пишет ли он воспоминания. Поначалу Хрущев сопротивлялся: он помнил, как КГБ предлагал запретить работу над мемуарами маршалу Жукову, и понимал, какой фурор вызовет известие о том, что воспоминания пишет опальный советский лидер. В конце концов гордость и желание оправдать себя взяли верх, и он решил рассказать о том, как видится ему прошедшая жизнь.

В августе 1966 года Хрущев был готов начать работу. Он и до этого часто рассказывал домашним и друзьям о прошлом, особенно о войне и о последних годах жизни Сталина, однако избегал любых разговоров о своих наследниках, тем более о том, как они постепенно сводят на нет его реформы. Именно их сопротивление хрущевским реформам, замечает Сергей, а также реальная возможность реабилитации Сталина и придали Хрущеву решимости. Не последнюю роль сыграли, конечно, и обвинения его в «волюнтаризме» и «субъективизме» — а проще говоря, в неспособности управлять страной³⁴.

Однажды теплым утром, в августе 1966 года, Хрущев вместе с мужем внучки Юлии журналистом Львом Петровым сел в саду перед магнитофоном и начал диктовать свои воспоминания. Поначалу он просто пересказывал истории, которыми развлекал гостей. В первый день, по рассказу Петрова, он говорил о Карибском кризисе. Скоро Хрущев установил себе расписание: он надиктовывал свои рассказы на пленку в течение нескольких часов утром и нескольких часов после обеда, как в присутствии слушателей, так и без них.

Поначалу мысль его беспорядочно «скакала» от темы к теме. Позже с помощью сына он составил план и перед диктовкой тщательно продумывал, о чем будет говорить. Отец с сыном составили список тем в порядке их важности: этому списку Хрущев и следовал, вычеркивая темы по мере их освещения и дописывая новые. Сергей мог собрать опубликованные речи и другие материалы, но Хрущев всегда предпочитал работать с людьми, а не с бумагами и полагался на свою в самом деле замечательную память. Доступа к архивным материалам у него, разумеется, не было — все архивы находились под контролем КГБ.

Сначала пленки расшифровывал Лев Петров, но Хрущев остался недоволен результатом: в отредактированном тексте было слишком много Петрова и слишком мало Хрущева. Потом за распечатку и редактуру взялась Нина Петровна: но она работала медленно и непрофессионально, печатала одной рукой³⁵. Сергей предлагал отцу обратиться в ЦК, чтобы ему выделили секретаря-машинистку, но Хрущев отказался: «Не хочу их ни о чем просить. Если сами предложат — не откажусь. Но они не предложат — мои воспоминания им не нужны. Только помешать могут»³⁶.

Сергей нашел у себя в конструкторском бюро машинистку, которая согласилась распечатывать пленки на дому. Полученный текст он редактировал сам. Работа была нелегкая: Хрущев говорил «как думает», неправильно строил фразы, пропускал подлежащие или сказуемые, ставил слова в неверном порядке. В общей сложности его воспоминания составили 250 часов магнитофонной записи и три тысячи пятисот машинописных страниц.

Прежде всего, говорил Хрущев Сергею, «я хочу рассказать... о Сталине, о его ошибках и преступлениях. А то я вижу, опять хотят отмыть с него кровь и возвести на пьедестал». Во вторую очередь, говорил он, «хочу рассказать правду о войне. Уши вянут, когда слушаешь по радио или видишь по телевизору жвачку, которой пичкают народ. Надо сказать правду»³⁷. Поэтому он сначала сконцентрировался на тридцатых годах, которые провел в Москве и на Украине, а затем перешел к войне. Покончив с войной, рассказал о послевоенных годах, о смерти Сталина и аресте Берии — и на этом остановился. О собственном правлении он поначалу рассказывать не хотел — во-первых, чтобы избежать конфликта со своими «наследниками»; а во-вторых, как полагал Сергей, «считая это нескромным».

Позднее Хрущев все же надиктовал несколько сотен страниц о своих внутренне- и внешнеполитических достижениях. Некоторые темы остались в его мемуарах почти совершенно неосвещенными: во-первых, детство и семья; и, во-вторых, бурные отношения с творческой интеллигенцией (этой теме посвящен последний надиктованный им отрывок, которым он остался недоволен и хотел стереть)³⁸.

Несмотря на все попытки избежать конфликтов с новым руководством, первые тучи сгустились над головой опального Хрущева летом 1967 года, когда американская женщина-кинорежиссер Люси Джарвис сняла (видимо, не без помо-

щи родных Хрущева) документальный фильм о нем, который был показан по каналу Эн-би-си. В основном фильм построен на старых киноплёнках, однако есть в нем и кадры Хрущева-пенсионера, сидящего в своем зеленом французском плаще у костра. На его голос наложена речь диктора, однако можно расслышать, что он рассказывает о Карибском кризисе. Разгневанные власти уволили Мельникова, начальника охраны Хрущева, и заменили его другим, бессердечным и мелочно-придирчивым человеком, доставившим Хрущеву много огорчений³⁹.

Хрущев был сильно раздосадован и ускорил работу над мемуарами. Об этом стало известно, и — потому ли, что Брежнев питал к Хрущеву личную зависть и злобу, как предполагает Сергей Хрущев, или из общих соображений безопасности режима — в Кремле решено было подвергнуть Хрущева «проработке». Этим занимались трое его бывших подчиненных: член Политбюро Андрей Кириленко, в свое время работавший под началом Хрущева на Украине, а потом бывший его заместителем в бюро ЦК компартии Российской Федерации, Арвид Пельше, председатель Комитета партийного контроля, ответственного за соблюдение партийной дисциплины, и Петр Демичев, теперь первый секретарь Московского горкома партии.

Не тратя время на приветствия, Кириленко перешел прямо к делу: «Центральному Комитету стало известно, что вы уже в течение длительного времени пишете свои мемуары, в которых рассказываете о различных событиях истории нашей партии и государства». Интерпретация Новейшей истории — «дело Центрального Комитета, а не отдельных лиц, тем более пенсионеров. Поэтому Политбюро ЦК требует, чтобы вы прекратили свою работу над мемуарами, а то, что уже надиктовано, немедленно сдали в ЦК».

«Я не могу понять, товарищ Кириленко, — спокойно ответил Хрущев, — чего хотите вы и те, кто вас уполномочил. В мире, в том числе и в нашей стране, мемуары пишет огромное число людей. Это нормально. Мемуары являются не историей, а взглядом каждого человека на прожитую им жизнь».

И, повысив голос, продолжал: «Я считаю ваше требование насилием над личностью советского человека, противоречащим конституции, и отказываюсь подчиняться. Вы можете силой запрятать меня в тюрьму или силой отобрать мои записи. Все это вы можете со мной сегодня сделать, но я категорически протестую».

Кириленко попытался настоять на своем. В ответ Хрущев воскликнул, что с ним поступают, как Николай I с Та-

расом Шевченко, которого тот отправил на двадцать пять лет в армию, запретив ему писать и рисовать: «Вы можете у меня отобрать все — пенсию, дачу, квартиру. Все это в ваших силах, и я не удивлюсь, если вы это сделаете. Ничего, я себе пропитание найду. Пойду слесарить, я еще помню, как это делается. А нет, так с котомкой пойду по людям. Мне люди подадут. А вам никто и крошки не подаст. С голодудохнете».

Пельше напомнил Хрущеву, что решения Политбюро обязательны для всех членов партии и что «враждебные силы» могут использовать его мемуары в своих целях. Хрущев возразил, что никаких «американских шпионов» не пришлось бы опасаться, если бы Политбюро выделило ему стенографистку и машинистку и хранило бы копию мемуаров в ЦК.

Он начал было успокаиваться, но снова разъярился, припомнив еще одно оскорбление: вместо того чтобы помочь ему в работе, «в нарушение конституции, утыкали всю дачу подслушивающими устройствами. Сортир и тот не забыли. Трагит народные деньги на то, чтобы пердеж подслушивать».

Завершив свою речь более возвышенным образом («Я хочу, чтобы то, что я описываю, послужило на пользу советским людям, нашим советским руководителям и государству. Пусть события, которым я был свидетель, послужат уроком в нашей будущей жизни»), Хрущев поднялся и вышел. Кириленко и прочие были посрамлены — но и для самого Хрущева эта бурная сцена стала тяжелым испытанием⁴⁰.

«Он был очень взволнован и сразу ушел прогуляться вдоль реки», — вспоминала его жена. Она пошла с ним, но он ни о чем не стал рассказывать⁴¹. На следующий день, когда на дачу приехал Сергей, «отец выглядел усталым, лицо его посерело и постарело». Он сидел на опушке леса, грелся на солнце: предупрежденный Ниной Петровной, Сергей не стал расспрашивать его о разговоре в ЦК, но это и не понадобилось — Хрущев начал разговор сам.

«Мерзавцы! — кипел он. — Я сказал им все, что о них думаю. Может быть, хватил лишнего, но ничего — это пойдет им на пользу. А то они думают, что я буду перед ними ползать на брюхе!» На протяжении следующих нескольких месяцев он снова и снова вспоминал об этом разговоре — и почти ничего не диктовал до самого конца 1968 года⁴².

Едва начав работать над мемуарами, Хрущев беспокоился о судьбе своей рукописи. «Напрасно все это, — не раз говорил он Сергею. — Пустой труд. Все пропадет. Умру я, все заберут и уничтожат или так похоронят, что и следов не останется».

Сергей сделал несколько копий рукописи и хранил их в надежных местах; однако еще до вызова в ЦК отец и сын обсуждали возможность выслать рукопись за границу. Поначалу Хрущев опасался, что, попав за рубеж, мемуары могут быть использованы против СССР: можно добавить, что сам он в свое время за такой же шаг затравил и едва не довел до самоубийства Бориса Пастернака. Но в конце концов он разрешил Сергею переправить рукопись за границу и даже подготовить к публикации за рубежом в случае, если в СССР она будет изъята. Так бывший руководитель Советского государства превратился в диссидента, едва ли не в политического преступника.

Как пленки и рукопись перебрались за рубеж, кто организовал переправку, были ли у этого противозаконного мероприятия тайные союзники в верхах — ответы на все эти вопросы почти тридцать лет держались в строжайшем секрете⁴³. По рассказу Сергея, Лев Петров, журналист, работавший на советскую военную разведку, познакомил его с Виктором Луи — еще более сложной и загадочной фигурой: этот Луи в конце сороковых — начале пятидесятих годов был в лагерях, вышел на свободу после XX съезда, затем стал московским корреспондентом «Лондон ивнинг стандарт» и выполнял поручения КГБ — например, передал одному западному издательству обрезанную и отредактированную версию мемуаров дочери Сталина, дабы предотвратить выход к пятидесятилетней годовщине революции полной версии. Луи был женат на англичанке, работал на английскую газету, и предполагалось, что передача мемуаров Хрущева за границу не составит для него большого труда. Хрущев не только одобрил пересылку, но и попросил доставить мемуары в какое-либо западное издательство, подготовить к публикации и опубликовать по его сигналу. Луи заключил соглашение с «Тайм» и «Литтл, Браун», по-видимому, получив за хлопоты неплохое вознаграждение. Сам Хрущев от гонорара отказался: еще не хватало, чтобы о нем говорили, что он «на жалование у капиталистов»!⁴⁴

Некоторое время все шло гладко. «Тайм» и «Литтл, Браун» хотели иметь подтверждение, что мемуары действительно получены от Хрущева: они попросили Луи преподнести Хрущеву в подарок две широкополые шляпы, красную и черную, купленные в лондонском магазине «Шляпник Локк» на Сент-Джеймс-стрит. Для подтверждения того, что Хрущев одобряет публикацию, американские партнеры просили его сфотографироваться в этих шляпах и передать им фотографии. Сергей привез шляпы отцу в Петрово-

Дальнее и объяснил, что от него требуется. Нина Петровна, не посвященная в заговор, была неприятно поражена клоунским видом и кричащими цветами шляп и не сомневалась, что муж ни за что их не наденет. Однако Хрущев, явно наслаждавшийся этой игрой, громко заявил, что хочет взглянуть, как они будут сидеть. Сергей сфотографировал его в обеих шляпах, и снимки отправились в «Тайм» и «Литтл, Браун».

Надо сказать, что в Москве у Луи имелся высокопоставленный друг — не кто иной, как сам Юрий Андропов, занявший в 1967 году пост председателя КГБ. Луи сообщил Сергею Хрущеву, что познакомил Андропова со своими планами и даже предложил показать ему рукопись. Андропов с улыбкой отказался; однако благодаря его вмешательству советская контрразведка не препятствовала Луи и — по крайней мере до времени — не вмешивалась в историю с мемуарами. Это может показаться невероятным, однако известно, что Андропов тоже был «сложным» человеком: гноя диссидентов в лагерях и психиатрических больницах, он в то же время сопротивлялся реабилитации Сталина, которую не терпелось начать кое-кому из его коллег⁴⁵.

Летом 1968 года, пока Хрущев, ни о чем не подозревая, увлеченно работал в саду, те партийные авторитеты, которых Андропов не хотел или не мог контролировать, усилили давление на членов семьи персонального пенсионера союзного значения. Алексей Аджубей был при Хрущеве чем-то вроде неофициального политического эmissара, он мог даже надеяться сменить Громыко на посту министра иностранных дел⁴⁶. После отставки тестя он был лишен всех своих званий и нашел себе убежище в журнале «Советский Союз». Теперь же ему начали настоятельно советовать найти себе работу на Дальнем Востоке. Аджубей отказался уезжать из Москвы, но посоветовал тестю прекратить работу над мемуарами. Сергея Хрущева заставили уйти из конструкторского бюро Владимира Челомея; он перешел на работу в НИИ компьютерного управления. Осенью 1968 года Хрущев возобновил работу над мемуарами, а в 1969-м вошел в прежний ритм. К лету того года он закончил воспоминания о Сталине, рассказал о XX съезде, о женевском саммите, советско-китайских отношениях. Летом перечитал все, что получилось, остался недоволен редактурой и поручил Сергею найти профессионального редактора: им согласился стать Вадим Трунин, сценарист знаменитого фильма «Белорусский вокзал».

Осенью 1969 года стало ясно, что кто-то наверху не забыл и не простил Хрущева. Когда в Москву приехал американский врач А. Мак-Гихи Харви, которого Хрущевы пригласили к дочери Елене, страдающей системной волчанкой, он вместе с женой побывал у Хрущева на даче. Несколько дней спустя, седьмого ноября, когда чета Харви вместе с Сергеем Хрущевым сидела в номере гостиницы «Националь» с видом на Манеж, ожидая начала парада, внезапно туда ворвались агенты КГБ и перерыли весь багаж иностранцев, тщетно разыскивая микрофильмы с рукописью Хрущева. Сергей Хрущев подозревал, что на американцев указал Виктор Луи, желая отвести подозрение от себя. Так или иначе, в начале 1970 года Хрущев занимался мемуарами активнее, чем когда-либо, чередуя их лишь с садовыми работами. Доктор Беззубик предупреждал, что у пациента развивается атеросклероз, и 29 мая, после активной работы в саду в жаркий день, у Хрущева произошел тяжелый сердечный приступ. Десять дней его состояние оставалось критическим, и большую часть летних месяцев он провел в элитной кремлевской больнице на улице Грановского. Болезнь он переживал мужественно, едва придя в себя, начал полушутливо-полусердито упрекать Сергея за то, что тот навещает его каждый день: «Тебе что, делать нечего? Тратишь свое время и мне мешаешь. Я здесь постоянно занят: то укол делают, то врачи с осмотром приходят, то температуру меряют. Времени скучать не остается»⁴⁷.

По совету врачей Сергей сообщал отцу только хорошие новости. Хрущев не знал, что над делом, которому он посвятил остаток жизни, сгущаются тучи. Еще в марте Андропов сообщил Политбюро, что в мемуарах Хрущева содержатся сведения, являющиеся государственной тайной, потребовал усилить надзор КГБ и порекомендовал еще раз вызвать и припугнуть Хрущева⁴⁸. По-видимому, Андропов либо колебался, либо вел двойную игру: Виктора Луи он так и не остановил. Однако Сергея начали повсюду преследовать контрразведчики. Агенты КГБ обыскивали квартиру его машинистки, допрашивали Юлию о Льве Петрове, который к тому времени уже умер, и наконец позвонили самому Сергею и напрямую потребовали рукопись мемуаров. Зная, что несколько копий рукописи хранятся в надежных местах как в СССР, так и за границей и опасаясь, что сопротивление будет иметь для него дурные последствия, Сергей сдал рукописные материалы и пленки. В то же время он передал «Литтл, Браун» условный сигнал, и публикация мемуаров была намечена на начало 1971 года.

В конце августа 1970 года бледный, сильно ослабевший Хрушев вышел из больницы. Когда он окреп настолько, что смог выходить на прогулки на свою любимую Ужиную горку, Сергей рассказал ему, что произошло. Хрушев одобрил решение о публикации, однако, несмотря на слабость, жестоко разбил Сергея за то, что тот отдал рукопись КГБ: «Дело тут не в том, что текст пропадет. Тут дело в принципе. Они нарушают конституцию. А ты взял на себя смелость распорядиться тем, чем не имеешь права распоряжаться! Немедленно свяжись с этим человеком, заяви решительный протест от моего имени. Требуй, чтобы все вернули!»⁴⁹ С этими словами он вытащил пачку таблеток и проглотил успокоительное.

Сергей попытался выполнить приказ отца, однако, когда он потребовал рукопись, контактировавший с ним агент КГБ, прежде обещавший вернуть материалы по выздоровлении Хрушева, отказался это сделать. Материалы, заявил он, переданы в ЦК, и КГБ к ним больше никакого отношения не имеет.

— Ну их!.. — воскликнул Хрушев, когда Сергей передал ему эти слова. — Ничего теперь с ними не сделаешь. И не ходи туда больше!⁵⁰

Осенью 1970 года на Западе появились сообщения о предстоящей публикации книги «Хрушев вспоминает». Сразу после празднования годовщины революции на даче Хрушевых раздался телефонный звонок: звонил Пельше, который потребовал, чтобы Хрушев немедленно, в тот же день, явился в КПК. За ним, сказал он, уже едет машина из Кремля.

В Кремле, где ждали Хрушева Пельше и двое его помощников, состоялся необычный разговор — из ряда вон выходящий не только потому, что Хрушев в самых резких выражениях высказал партийным функционерам свое неодобрение, но и потому, что, увлекшись и забыв о сдержанности, раскрыл перед ними всю глубину своего отчаяния⁵¹. О мемуарах он почти не спорил: отрицал, что передавал их за границу или поручал кому-либо сделать это («Никогда никому никаких воспоминаний не передавал и никогда бы этого не позволил»), но подписал заявление, в котором мемуары именовались «фабрикацией» и «фальшивкой».

Этим Пельше остался доволен; правда, во второй части разговора⁵² Хрушев дал оценку действиям нынешнего партийного руководства; он сравнил своих наследников с Николаем I, назвал «сталинистами», обвинил их в том, что они загубили реформы и «прос...ли» все, чего он добился в Егип-

те и на Ближнем Востоке⁵³. Пельше напомнил Хрущеву, что он «в партийном доме», и потребовал «вести себя как положено». Когда Хрущев заявил, что его наследники губят страну, Пельше возразил, что тот перекладывает на других собственные ошибки. Хрущев воскликнул, что Пельше «в сталинском стиле» его перебивает, на что Пельше отрезал: «Это ваши привычки». — «Да, я тоже заразился от Сталина, — ответил Хрущев, — но я от Сталина освободился, а вы нет».

Реплики Хрущева на этой встрече выдают его жалость к себе: «Я совершенно изолирован и фактически нахожусь под домашним арестом... Помогите моим страданиям... Когда уйдете на пенсию, тогда узнаете, что это адские муки...» — но и его непреклонность в отношении сталинизма: «Убийц надо разоблачать». Он вспоминает одного историка, а также коммуниста, работавшего в Коминтерне: «Сталин расстрелял их обоих... Сколько тысяч людей погибло! Сколько расстреляно!»

А сам Хрущев?! Разве он не был к этому причастен? Быть может, чувство вины заставило его обратиться к Пельше со страшной мольбой: «Пожалуйста, арестуйте, расстреляйте. Мне жизнь надоела. Когда меня спрашивают, я говорю, что я не доволен, что я живу. Сегодня радио сообщило о смерти де Голля. Я завидую ему... Может быть, своим вызовом сюда вы поможете мне скорее умереть. Я хочу смерти... Я хочу умереть честным человеком... Мне 77-й год. Я в здравом разуме и отвечаю за все слова и действия... Готов нести любое наказание, вплоть до смертной казни... Я готов на крест, несите гвозди и молоток... Это не фразы. Я хочу этого. Русские говорят: от тюрьмы и сумы не зарекайся. Я всегда в другом положении был и за всю свою политическую деятельность в порядке допрашиваемого в партийных органах никогда не был...»

Страшное и жалкое впечатление производят эти бессвязные, почти безумные стенания умирающего старика. («Каждый сумасшедший считает, что он не сумасшедший, — заметил Хрущев на той же встрече. — Я не считаю себя сумасшедшим. Может быть, вы по-другому оцениваете мое состояние».) Примерно в то же время в беседе с Хрущевым Михаил Шатров спросил его, о чем он больше всего сожалеет. «Больше всего — о крови, — ответил Хрущев. — Руки у меня по локоть в крови. Это самое страшное, что лежит у меня на душе»⁵⁴.

К концу встречи Хрущев был совершенно измучен. «Я сделал то, что вы хотели, — тихо проговорил он. — Я все подписал. А теперь хочу уехать домой. Я устал, у меня в груди болит».

Беседа в КПК в самом деле ускорила смерть Хрущева. Вскоре после этого у него произошел новый сердечный приступ, перед самым Новым годом снова уложивший его в больницу. Разместили его не в кардиологическом отделении, а в неврологическом, где в это время не было других пациентов. Однажды, вскоре после того как Хрущеву стало лучше, доктор Прасковья Мошенцева, зайдя в палату, застала его за чтением «Правды». Она хотела выйти, чтобы не мешать, но он заговорил с ней, со смехом сказал, что читает о социализме — «в общем, одна вода». Пока врач возилась с капельницей, Хрущев рассказал ей историю о партийном агитаторе, который произносил перед равнодушными колхозниками пламенную речь о социализме и выпил за это время три стакана воды. Когда он наконец закончил и спросил, будут ли вопросы, из заднего ряда поднялся невысокий мужичок. «Уважаемый лектор, — сказал он. — Скажите, пожалуйста, вот вы читали про социализм целых три часа, выпили три графина воды, и ни разу ссать не сходили. Как же это?»

Доктор Мошенцева так и обмерла — а пациент расхохотался. «Теперь вам ясно, что такое социализм? — заключил он. — Вода!»

Трудно поверить, что в конце жизни, посвященной воплощению социалистических идеалов, Хрущев настолько разочаровался в своей вере. Трудно — но не невозможно, если вспомнить, сколько тяжелейших ударов нанесла жизнь, в том числе и его руками, по тем самым идеалам, которым он служил.

Как-то доктор Мошенцева застала Хрущева в комнате медсестер: вся больничная смена, собравшись вокруг него, внимала его шуткам и историям. «Уважаемая Прасковья Николаевна! — обратился он к ней с широкой улыбкой. — Очень прошу никого не наказывать: это я им приказал. Учтите: это последнее мое распоряжение. Теперь ведь я — никто»⁵⁵.

Домой Хрущев вернулся настолько ослабевшим, что не мог без отдыха дойти от дома до своего любимого луга. Несмотря на слабость, в феврале 1971 года он снова принялся диктовать. В апреле отпраздновали его семьдесят седьмой день рождения: Хрущев принимал гостей в строгом темном костюме, белой рубашке, с двумя звездами на груди и любимым портативным радиоприемником, с которым теперь не расставался. Работать в саду он больше не мог, но 2 июля, на день рождения Сергея, с удовольствием провел его гостей по саду, потом пригласил их к себе в комнату, дал послушать пластинки — русские и украинские народные песни — на английском проигрывателе и сфотографировал их

всех своим «Хассельбладом», а затем вся компания вышла в сад и посидела у костра. Это был последний большой прием в Петрово-Дальнем.

В эти дни Хрущев снова начал горько сетовать на то, что никому не нужен. «Просто брожу без всякой цели. Если я повешусь, никто и не заметит». Когда он несколько раз упомянул о самоубийстве, врач посоветовал родным не оставлять его одного. Доктор Беззубик полагал, что в депрессии Хрущева повинен атеросклероз, но родные понимали: дело не только в этом. Как бы то ни было, август сменился сентябрем, и тучи, казалось, начали рассеиваться.

5 сентября, в воскресенье, Хрущев навестил Аджубеев на их даче на реке Икше, к северо-западу от Москвы, недалеко от канала, соединяющего Москву-реку с Волгой. Он приехал часов в одиннадцать, и в обед вся семья ела приготовленный Радой суп из пакетика. Ее отец в первый раз попробовал такой суп, и ему понравилось. «А твоя мать лишила меня этого удовольствия, — шутливо пожаловался он. — Скольких вкусных вещей я никогда не пробовал!»⁵⁶

После обеда вся компания отправилась на прогулку. Еще не дойдя до опушки леса, Хрущев остановился и попросил внука Алешу сбежать домой за складным стулом. Нина Петровна дала мужу таблетку. Алексей Аджубей и садовник, работавший на даче по найму, остались с Хрущевым; остальные разбрелись по лесу. Садовник нашел тринадцать грибов и принес их Хрущеву.

— Тринадцать... — пробормотал Никита Сергеевич. — Чертова дюжина, несчастливое число.

Садовник скрылся за деревьями в поисках четырнадцатого гриба, а Хрущев повернулся к Аджубею: «Когда я уйду из жизни, ненависть к тебе угаснет. Они мстят моим родным из-за меня. Не жалею, что жил в бурные времена и что работал со мной в Центральном Комитете. Нас с тобой будут помнить».

Аджубей молчал. Никогда еще Хрущев не говорил с ним так дружески и откровенно. Именно тогда он рассказал зятю историю, приведенную нами в начале книги — о том, как мальчиком в Калиновке встретил таинственную старуху, предсказавшую ему великое будущее.

Вернувшись в Петрово-Дальнее, Хрущев принял еще одну таблетку, и несколько дней, казалось, все было нормально. Однако две или три ночи спустя у него появилось чувство давления в груди, стало тяжело дышать. Разбудив жену в четыре часа утра, он прошептал: «Посиди со мной, мне как-то тяжело»⁵⁷. Нитроглицерин облегчил его состояние, и

Никита Сергеевич попросил жену лечь, но оставить открытой дверь в его спальню, как делалось уже полторы недели. «Может быть, он стал бояться темноты, — подумала она, — но не хочет в этом признаваться»⁵⁸.

На следующее утро врач посоветовал больному лечь в больницу, однако особенно не настаивал, рассматривая это как предосторожность. Однако в тот же день у Хрущева случился еще один сердечный приступ. Теперь Беззубик сказал, что в больницу следует отправляться немедленно, разрешив больному ехать не на «скорой помощи», а на обычной машине. «Терпеть не могу “кареты”, — ворчал Хрущев. — Чувствуешь себя в них уже почти покойником». Без посторонней помощи он сел в «волгу» доктора Беззубика, попрощался с поваром и садовником, работавшими на даче, по дороге шутил с водителем. Переезжая по мосту через Москву-реку, он обратил внимание, что кукуруза на близлежащем поле посажена «не так», а в Москве, на Калининском проспекте, указав на зеленеющие каштаны, с гордостью похвастал, что эти деревья появились здесь в тридцатые годы по его настоянию, несмотря на возражения других руководителей⁵⁹.

В больницу Хрущев также вошел без посторонней помощи. Добродушно здоровался с медсестрами и санитарями, которых знал по своим предыдущим пребываниям здесь. Нине Петровне велел ехать домой, а в тот же вечер прогнал от себя Сергея: «Нечего время тратить. У тебя что, дел нет? Иди домой, передавай привет своим и вообще, не мешай, видишь, я делом занят: таблетки пора принимать, температуру измерять. Нам тут скучать не дают. Завтра придешь — принеси что-нибудь почитать».

В ту же ночь произошел новый тяжелейший приступ. В среду состояние оставалось тяжелым, но Хрущев еще нашел в себе силы поворчать, когда дочь Елена принесла ему гладиолусы («Зачем мне цветы? Лучше бы себе оставила»), и переадресовать букет медсестре. В четверг ему стало хуже. Кончилось время шуток: Нина Петровна, сидя у постели мужа, целовала его ладонь, а он гладил ее по щеке. В пятницу, казалось, ему стало немного лучше, и еще лучше — в субботу утром, когда в больницу приехали Нина Петровна и Рада. Он попросил пива и соленых огурцов, пожаловался, что пиво скверное, а когда Нина Петровна вышла из палаты, чтобы зайти к своему врачу, помахал ей рукой на прощание. Двадцать минут спустя, когда она вернулась, Хрущев был при смерти. «Как он?» — бросилась она к врачу, вышедшему из его палаты. «Плохо», — лаконично

ответил доктор. «Хуже, чем в четверг?» — спросила Нина Петровна. Помедлив, врач ответил: «Он умер»⁶⁰.

Обычно сдержанная Нина Петровна разрыдалась. Когда Сергею разрешили войти в палату, он увидел, что «у отца стало совершенно другое, незнакомое лицо: нос заострился, появилась горбинка. Нижняя челюсть подвязана бинтом. Простыня прикрывает его до подбородка. На стене алеют капли крови, целая полоса. Следы усилий реаниматоров»⁶¹.

Немного оправившись, Нина Петровна решила устроить мужу достойные похороны. Масштаб церемонии зависел от государства, а оно не торопилось с ответом. Всю субботу родные Хрущева слышали только: «Подождите».

Опасаясь, что Кремль не пожелает сообщать о смерти Хрущева, Сергей позвонил Виктору Луи и попросил его распространить эту новость. Тем временем в Петрово-Дальнем сотрудники КГБ опечатали дом, поставили у дверей охранника и едва пропустили внутрь Нину Петровну. Кабинет Хрущева тоже был опечатан, и перед ним выставлен еще один охранник. В тот же вечер двое из ЦК обыскали кабинет и забрали с собой все магнитофонные пленки — не только с мемуарами, но и те, на которых был записан комплекс гимнастических упражнений и которые Нина Петровна хотела сохранить, потому что запись начиналась со слов инструктора: «Доброе утро, Никита Сергеевич! Как вы сегодня спали?»

Бумаг у Хрущева почти не осталось: все официальные документы давно хранились в ЦК, а мемуары были уже конфискованы. Тогда агенты госбезопасности перешли к книгам, грамзаписям, обыскали гардероб и стенной шкаф. Обнаружив машинописную рукопись со знаменитым стихотворением Мандельштама о Сталине, подаренную Хрущеву одним физиком-ядерщиком, конфисковали ее. Елена Хрущева громко возмущалась действиями пришельцев, но они не обращали на нее внимания: в конце концов она со слезами на глазах выбежала из комнаты. Незваные гости методично продолжали свое дело: отобрали и цветистое поздравление Хрущеву от Президиума по случаю его семидесятилетия, и почетные грамоты, выданные ему в тридцатых — сороковых годах и подписанные тогдашним «советским президентом» Калининым.

Наконец из Кремля пришло высочайшее решение о похоронах. Разумеется, никакой Красной площади: скромная частная церемония на Новодевичьем кладбище в понедель-

ник, в двенадцать часов. Перед этим, в десять — прощание в кунцевском морге. Все расходы брал на себя Центральный Комитет. Официально о смерти Хрущева было объявлено только в понедельник, в десять утра — несомненно для того, чтобы на похоронах были только родные и приглашенные ими друзья.

Выразит ли соболезнования кто-нибудь из бывших коллег Хрущева? — спрашивали себя члены семьи. Нет, никто не позвонил. Но в тот же вечер новость распространилась за границей, и в дом начали приходить письма с соболезнованиями от глав государств и лидеров коммунистических партий. Власти не знали, что делать с этим потоком писем. В конце концов случайно некоторые (хотя и не все) доходили до адресатов в грязных и разорванных конвертах.

В понедельник, 13 сентября, семья Хрушевых поднялась на рассвете, чтобы попасть в Кунцево к десяти часам утра. Было пасмурно, моросил дождь. Родственники, приехавшие из других городов, ночевали в городской квартире Хрушевых и на диванах и кушетках в Петрово-Дальнем. В утренней «Правде» не было некролога — лишь заметка на последней странице «с прискорбием» извещала о кончине на 78-м году жизни «бывшего первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР, персонального пенсионера Никиты Сергеевича Хрущева».

Прощание состоялось в унылой комнатке непрезентабельного кирпичного здания. Снаружи, на обочинах пустых улиц и за заборами, виднелись грузовики, полные автоматчиков; их командиры переговаривались между собой по рации. Несмотря на все усилия властей, на церемонию пришло несколько храбрецов, лично не знавших Хрущева, но пожелавших отдать ему последний долг. Владимир Лакшин, коллега Твардовского по «Новому миру», вспоминает, как капитан милиции долго допрашивал его, кто он такой и куда идет, — но вопросы эти, по-видимому, не имели практической цели, так как Лакшина с женой беспрепятственно пропустили. У открытого гроба стояли венки от родных, друзей и еще один, скромный — от Центрального Комитета и Совета министров. Из стареньких динамиков с шипением и скрипом несли «Траурный марш». Вокруг гроба стояли члены семьи и несколько старых донбасских товарищей Хрущева. Несколько дипломатов и иностранных корреспондентов ждали снаружи. Перед отъездом на кладбище посторонние вышли, и члены семьи на несколько минут остались наедине с покойным: «рыдающие Юлия-старшая и Юлия-младшая, окаменевшая Рада и обессиленная мама»⁶².

Похоронный автобус въехал на кладбище (это было сделано в нарушение правил, чтобы не привлекать внимания к похоронам Хрущева), проехав мимо таблички *«Кладбище закрыто на санитарный день»*. Для погребения Хрущева выделили участок у дальней стены, поодаль от дорожек. Тем из скорбящих, кто не приехал на автобусе вместе с семьей, выпала нелегкая задача: выходы из ближайших станций метро были закрыты, и автобусы и троллейбусы, чьи маршруты проходили мимо кладбища, в этот день не останавливались на соответствующих остановках. Само кладбище было оцеплено милицией, и прорваться через оцепление, назвав себя родственниками или друзьями семьи, удавалось лишь самым настойчивым.

Хотя власти дали понять, что произнесение речей нежелательно, Нина Петровна не могла себе представить, что бывшего первого секретаря ЦК КПСС, председателя Совета министров СССР опустят в землю без единого слова. Поэтому еще в кунцевском морге Сергей Хрущев переговорил с некоторыми из прибывших и попросил их выступить. Сам он, поднявшись на холмик земли неподалеку от могилы, сказал несколько слов о покойном отце и муже. Надежда Диманштейн, маленькая седая женщина, знавшая Хрущева в двадцатых, а в тридцатых, как многие другие коммунисты, репрессированная, поблагодарила его от имени миллионов реабилитированных и возвращенных из лагерей и ссылок. Третьим выступил коллега Сергея: Хрущева он почти не знал, но его отец погиб в лагере. Он поблагодарил Хрущева за то, что тот вернул его отцу доброе имя, и сказал, что дети Хрущева должны им гордиться.

Речи были окончены. Агенты спецслужб в гражданском попытались помешать собравшимся — всего их было около двух сотен человек — подойти к гробу, но члены семьи упростили их не мешать прощанию. Когда толпа отхлынула, гроб опустили в могилу и Сергей бросил на него первую горсть земли. Могильщики уже закапывали гроб, когда к месту упокоения подбежал запыхавшийся молодой человек с новым венком: «Никите Сергеевичу Хрущеву от Анастаса Ивановича Микояна». Единственный из советских небожителей, Микоян счел нужным отдать последний долг своему старому товарищу.